

16+

В МОЕЙ РУКЕ ТВОЯ РУКА...

Обзор художественных произведений о детях-инвалидах

В моей руке твоя рука: библиографический обзор книг о детях - инвалидах / БУК «Областная библиотека для детей и юношества», информационно-библиографический отдел; сост. Е. В. Маркова. – Омск, 2020. – 31 с.

Составитель: Е.В. Маркова

Ответственный за выпуск: Л.В. Евсеева

Компьютерный набор: Е.В. Маркова

БУК «Областная библиотека для детей и юношества»

Адрес библиотеки: город Омск, ул. Красный путь, 81

тел/факс: (3812) 21 10 61 oubomsk@mail.ru <http://oubomsk.ru>

К читателю

...я человек, который случайно оказался в инвалидном кресле. А не инвалидное кресло, в котором случайно оказался человек

Фредерик Бакман «Здесь была Бритт-Мари»

В мире более чем у одного миллиарда людей (15% населения) зафиксированы различные формы инвалидности. По данным исследования ВОЗ, 785 млн. человек в возрасте от 15 лет и старше живут с инвалидностью, из них 110 млн. страдают тяжёлыми формами расстройств. Среди детей в возрасте от 0 до 14 лет эти показатели составляют 95 млн. и 13 млн. соответственно. 1 083 000 – инвалиды детства (9,21%); дети-инвалиды - 655 000 (5,6% от общего числа инвалидов). В Омской области 7909 детей-инвалидов – 0.40 на душу населения.

К детям - инвалидам относятся дети, которые значительно ограничены в жизнедеятельности, социально дезадаптированы вследствие нарушения роста и развития, способностей к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контролю за своим поведением, обучению, трудовой деятельности и т.д. Число детей-инвалидов в нашей стране с каждым годом растёт. Этому способствует множество факторов: невысокий уровень медицины в России, нехватка финансирования, плохая экология, высокий уровень заболеваемости родителей, рост травматизма, детская заболеваемость и т.д. Ежегодно в России рождается пятьдесят тысяч инвалидов с детства, две трети из которых – особые дети, имеющие психические и психоневрологические нарушения (детский церебральный паралич, аутизм, синдром Дауна и другие). Для детей-инвалидов создаются реабилитационные центры, в которых им и их семьям оказывается медицинская и психологическая помощь, но их не хватает на всех (а частные еще и очень затратны для большинства семей), и это очень серьезная проблема. Так же остро стоит проблема образования. Многие школы, детские сады, колледжи и вузы просто не могут принять детей-инвалидов, потому, что в них или нет совсем, или катастрофически не хватает ни специального оборудования, ни специально обученных людей.

Но нужно помнить, что дети-инвалиды — часть человеческого потенциала мира и России. Четверть нобелевских лауреатов — люди с ограниченными возможностями здоровья. Инвалидами были слепой Гомер и глухой Бетховен, Ярослав Мудрый и Франклин Делано Рузвельт, слепые певцы Андреа Бочелли, Рэй Чарльз и Стиви Уандер, актеры Сара Берна, Зиновий Гердт и Анатолий Папанов. Люди с ограниченными возможностями могут все или почти все. Им просто нужно помочь, и желательно вовремя...

Однако в России инвалид, ведущий активную полноценную жизнь, пока, скорее, исключение, чем норма. Треть инвалидов не выходят из дома, большинство не имеют законченного среднего образования, не говоря уже о высшем. Причина не в отсутствии способностей и желания, а в отсутствии условий. Чаще всего вылечить, восстановить здоровье инвалида невозможно – речь может вестись только об обучении детей-инвалидов, о социализации – подготовке к самостоятельной жизни в обществе.

В формировании взглядов детей и взрослых на эту проблему должны и могут сыграть определенную роль художественные произведения. Это необходимо, прежде всего, здоровым людям, чтобы понять и принять не похожего на других, особенного человека, помочь ему в жизни и самому стать добрее. Такие произведения нужны и инвалидам, чтобы найти выход из непростых жизненных ситуаций. Правда, последнее время инвалиды говорят не столько о милосердии, сколько об активном участии их в жизни общества (пример – Сочинская олимпиада, где люди с ограниченными возможностями здоровья продемонстрировали поистине бойцовские качества. *«Почему российские инвалиды так успешно выступили на сочинской паралимпиаде? А потому что в России для этого были созданы особые условия – в обыденной же жизни инвалидам каждый день рекорды ставить приходится»*). Таков, например, Ромка Зеленский, поставивший себе цель стать чемпионом мира среди байдарочников-одиночников.

Штанько, В. Н. Трудно быть другом: [повести; 16+] / В. Н. Штанько; ил. Н. А. Клименко. – Москва: Детская литература, 2014. – 363 с.: ил. – (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).

Под обложкой этой книги – две повести. Первая называется «Маленький человек в большом доме». Ее герой Ромка Зеленский родился с физическим недостатком, который называется «врожденная ампутация конечности», в Ромкином случае гемимелия – на конце культы, почти сразу под коленом у Ромки имеется недоразвитая ступня. Впрочем, скорее даже кисть. Как третья рука. Ромка носит протез и ходит, опираясь на костыль. *«Ромка из-за культяпки даже никогда не купался на общественных пляжах. Никак не мог привыкнуть, что все начинают смотреть на него с жалостью, а то и брезгливо морщатся, будто дохлую крысу увидели»*. В этой фразе, собственно, и сформулирована основная мысль книги: маленький, т. е. далеко не великий, не самый заметный человек, которого обтекаемо – вовсе не потому, что хотят пощадить чувства таких, как Ромка, а для того, чтобы не слишком переживали остальные – называют «человеком с ограниченными возможностями здоровья» – как-то приспосабливается к

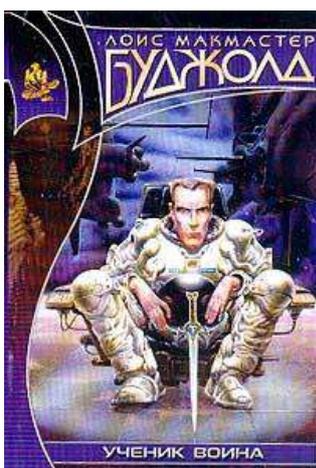
миру, который не готов его принять, которому он не нравится. *«Очень многие думают, раз мы с тобой культяпые, то и мозги у нас такие же неполноценные. И потому смотреть им на нас крайне неприятно: портим общий пейзаж. Но видал, как наши паралимпийцы утерли носы здоровеньким-красивеньким?! Вот мы с тобой и должны брать с них пример!»* Но вообще-то Ромка знает, какие мысли плавают в башках многих, когда видят таких, как он. Ну а если коляска инвалидная, то уже полный наркоз. Придурки! Этот колясочник тоже, может, когда-то на обеих ногах бегал, как лось, но не повезло: сибибла машина или болезнь. Или еще что-то. И никто из вас, придурков, не застрахован от беды. Никто. И потому не надо глаза в сторону отводить».

У Ромки есть цель: он хочет стать чемпионом мира среди байдарочников-одиночников. Все для этого у него есть: сила воли, характер, пример для подражания, старший друг Василий Баженов (Важен – называет его Ромка. С буквы «В» – и традиционная кличка Бажен сразу превращается в слово «важен»), тренажеры, которые спроектировал и сделал вместе с друзьями Важен. И перед отъездом в Германию подарил Ромке. В школе Ромка учится... так себе: *«ужасная скука одолевает его в школе. И все училки давно махнули на него рукой. Аттестат выдадут все равно. Это знают и он, и они», «в одном классе с Барабаном штаны протирают. Оба по-страшному ненавидят химию, алгебру и геометрию, от физики ну просто воротит обоих и в пот бросает. Особенно Ромку»*. Но зато читать Ромка любит: *«А вообще-то читать серьезную книгу тяжело. Прямо чувствуешь, как шевелятся мозги, не привыкшие к такой работе. Детективчики туда-сюда полистал, покрутил. Пара трупов – жесть! А тут совсем не то... И слова вроде те же самые, а в мозгу звучат уже по-другому»*.

Живет Ромка один, в квартире, доставшейся по наследству от деда – академика. Судя по тексту, опекун у него есть, дядя Серега, брат отца. Где-то на просторах Москвы есть и Алиса. Мамаша. В доме Ромки она появляется изредка: потусоваться с друзьями, такими же актерами-неудачниками, стащить что-нибудь из наследства свекра (и продать за хорошие деньги: жить-то на что-то надо в перерывах между мужчинами, согласными ее содержать), подъезсть все из холодильника, покурить и пожаловаться на интриги коллег. Ромка называет ее по имени, относится снисходительно и даже пренебрежительно: мать она никакая. Она даже ночью из роддома сбежала, увидев, каким родился сын. Пустышка. Сам Ромка человек ответственный: очень серьезно относится к тренировкам, внимателен и добр к людям: спасает от скинов мальчишку из южной хлопковой республики Тумагана, приехавшего в Москву учиться (и даже подключает к решению проблем пацана без документов и прописки своего дядю и старших друзей и оставляет его жить в своей квартире), шефствует над инвалидом-колясочником Илюшей. И даже спасает из воды девчонку, которая выпала из прогулочной лодки, когда подняли волну развлекающиеся паршивцы,

гоняющие на скутерах. Хотя ему, с протезом на ноге, это было ох как не просто! Словом, хороший человек Ромка. И вокруг него много хороших людей. Но есть и гады, те же скины, например, которые чуть не убили его самого – целенаправленно искали хромого уродца, недочеловека. Кстати, с Важеном приключилась похожая история: а не хромай тут, не оскорбляй тонкий эстетический вкус белых полноценных людей! *«Пьянь какая-то шла, и им не понравилось, что Вася хромает. Что он как бы не имеет права хропать! Жутко им это не понравилось. И давай глушить! «Сейчас мы тебе, урод, и другую ногу поправим! Как таракан, ползать будешь!»* Есть два бандита, пытавшихся ограбить Илюшу: отжать дорогуший деревообрабатывающий станок. Типа, нам он нужнее, чем этому убогому. Про таких, как Ромка в прошлом веке писали: «Человек с активной жизненной позицией». Как назовут сегодня? Ну, может, «крутой», «спасный». А может – фрик.

В серии романов, которые любители фантастики называют «Барраярский цикл» или «Вселенная Майлза Форкосигана» герой – калека.

Буджолд, Л. М. Ученик война ; Игра форов : [романы; 16+] / Л. М. Буджолд. - Москва : АСТ, 2003. - 702 с. - (Золотая библиотека фантастики).

В первом триместре беременности мать Майлза вместе с его отцом, регентом малолетнего императора, подверглась террористической атаке отравляющим веществом солкотоксином. Следствием явилось разрушение костной ткани плода. Ребёнок родился крохотным и уродливым, с чрезвычайно хрупкими костями. Собственный дед неоднократно предпринимал попытки убить уродца, чье существование оскорбляло древний герб рода Форкосиганов. Лечение Майлза продолжалось в течение всего детства и юности (хрупкие кости ломались от любого неосторожного движения и постепенно заменялись искусственными), и было достаточно мучительным. Ходить он смог лишь в возрасте трёх лет. Физическая немощь Майлза компенсировалась чрезвычайно гиперактивным характером и довольно рано проявившимся стремлением управлять окружающими людьми. Прибавьте честолюбие, изощренный ум, сокрушительное обаяние и способность находить проблемы на собственную... голову, и перед вами Майлз Форкосиган. Дерганый и неугомонный карлик – гений двигал мира и галактики, сметая препятствия как бульдозер. В 18 лет он стал адмиралом дендарийских наемников, а к 30 годам - Голосом императора, вторым человеком в Барраярской империи *«...Подчиненным он был ужасным. - А мне казалось, его карьера в СБ была вполне успешной, - удивилась Катриона. - Задания СБ он всегда выполнял успешно, зачастую куда успешнее, чем я*

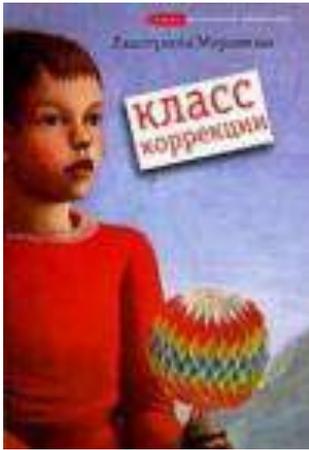
видел в самых смелых своих мечтах - или в самых страшных кошмарах. Он мог исполнить любой приказ - и устремиться дальше, выходя за все рамки. Если бы можно было установить на него контрольный прибор, я бы установил реостат. Чтобы прикрутить его на пару оборотов...тогда, может, мне и удалось бы оставить его на службе чуть дольше. - Иллиан отстраненно смотрел на сад. - Знаете старую сказку о графе, который, стремясь отделаться от неподходящего жениха для своей дочери, поручил ему три невыполнимых задания?- Да...- Никогда не пытайтесь проделать такое с Майлзом. Просто...не пытайтесь - и все».

Естественно, инвалидность инвалидности рознь. Так, инвалиды, страдающие сахарным диабетом или бронхиальной астмой, например, не привлекают повышенного и часто неприязненного внимания окружающих, как это происходит с инвалидами - колясочниками, инвалидами, лишенными конечностей, с людьми с врожденными уродствами или психоневрологическими заболеваниями. Многие книги освещают эту проблему. Например, фантастический роман М. В. Семеновой.

Семенова, М. В. Там, где лес не растет : [роман; 16+] / М. Семенова. - Москва : Эксмо ; СПб. : Домино, 2007. - 480с. - (Боевая магия).

В этом произведении главный герой – инвалид Коренга, который вследствие родового проклятия не может ходить и путешествует (как раз с целью избавиться самому и избавить свой род от этого проклятия) в тележке, сделанной его отцом – умельцем – передвигаться ему помогает волкодав Торон, - не просто привлекает к себе повышенное внимание, а становится предметом насмешек и издевательств: *« А потом за тележкой Коренги увязывались дети и оказывались во сто крат хуже дворняжек, хотя бы потому, что пёс не мог послужить от них обороной. В лучшем случае они требовали прокатиться, а бывало, лезли чуть не на колени, без спросу хватались за рычаги. Нахальные дети, «безстудные», как выражалось его племя, росшие при торной дороге, могли ли они воспитаться иными? Поднимался шум, выходили взрослые... Да вместо того, чтобы усюветить расшалившихся чад, сами давали волю праздному любопытству. И что ему, замурошке такому, в родной избе не сидится, и где ноги оставил, и есть ли вообще они у него, ноги-то, или он пеньки прячет под полстью?..»*

Мурашова, Е. В. Класс коррекции : [повесть; 14+] / Е. В. Мурашева. - Москва : Самокат, 2010. - 192 с. - (Встречное движение).

В повести Е. Мурашовой «Класс коррекции» новенького в школе Юру Малькова, инвалида с диагнозом ДЦР, тоже встретили ... с энтузиазмом: появился кто-то, за чей счет можно развлечься : *«Понятно, что почти сразу же Юру стали дразнить. Передразнивали его походку, уродливые ужимки, когда он пытался достать что-то, писали, как Юра, высовывая язык и нелепо вывернув локоть и кисть. Дразнили, естественно, не все и в основном не из нашего класса, но ведь придурки-то везде найдутся...»* «Придурки» совсем не обязательно именно придурки, просто если «особенность» ребенка видна внешне или он неадекватен в поведении — это почти всегда косые взгляды со стороны.

«Мама с папой обычно говорили в таких ситуациях, что с Беллс. Папа объяснял мне, что люди после этого успокаиваются, что их заставляет так смотреть страх или невежество, и надо постараться их убедить. Конечно, так не должно быть, но так получается». «Когда я была маленькая, я ненавидела людей, тарачившихся на Беллс в супермаркете или на автобусной остановке. ...меня...злит, когда люди грубо с ней обращаются или тарачат на нее глаза. Да кто они такие, чтобы кого-то судить?» Это слова героини романа Элис Петерсон «Письма моей сестры». Однако и у самой Кети проблемы с принятием непростой семейной ситуации.

Петерсон, Э. Письма моей сестры: [роман; 16+] / Элис Петерсон. – Москва: Издательство «Э», 2017. - 345, [2] с. - (Все будет хорошо!).

У Кэти Флетчер прекрасная устоявшаяся жизнь: собственный бутик модной одежды, фэшн-показы, успешный красавец-бойфренд и ...одна маленькая некрасивая тайна, о которой она своему бойфренду Сэму не рассказала. и вообще никому не рассказывала. Да что там – сама постаралась о ней забыть: *«Мне нравилось делить с Сэмом хорошие события, мне нравился гламурный мир, который мы вместе создали. Сэм – мажор из Сити; Кэти – женщина из бизнеса. В таком сценарии мало места для несовершенства».* Несовершенство зовут Беллс. Изабелль. И она младшая сестра Кэти. Она родилась с умственной отсталостью и расщелиной верхней губы и нёба. Это дыра вместо носа и рта. Разумеется, многочисленные пластические операции частично исправили физический недостаток Беллс, хотя, если судить по тексту романа, не

слишком успешно: люди смотрят на Беллс с ужасом, неприязнью, да просто с досужим любопытством: *«Когда я была маленькая, я ненавидела людей, тарасившихся на Беллс в супермаркете или на автобусной остановке... меня злит, когда люди грубо с ней обращаются или тарасят на нее глаза. Да кто они такие, чтобы кого-то судить?»* Семья, в которой есть больной ребенок, как правило, переподчиняет свою жизнь его интересам. Так случилось и с семьей Кети – ей, старшей, здоровой девочке внимание родителей, особенно матери, доставалось по остаточному принципу: *«Я не чувствую себя частью нашей семьи, я аутсайдер, посторонняя... Я не виню тебя (Беллс), но ты, мама, папа – вы так близки. Когда ты была маленькая, меня сплавляли к тете Агнес, или я жила у бабушки из Норфолка, или за мной присматривала жуткая нянька. Ты нуждалась в их помощи, у мамы с папой не было выбора, я понимаю, но мне было тяжело».* В 16 лет Кети ушла из дома и начала самостоятельную жизнь. Она многого добилась и, поддерживая отношения с родителями, Беллс практически вычеркнула из своей жизни. Не отвечала на ее письма. Не навещала в пансионе при колледже, где сестра жила и училась. И вдруг как гром среди ясного неба – настоятельная просьба родителей пригласить Беллс в Лондон на две недели. И не просто в Лондон, а в дом бойфренда Сэма, где живет сама Кети. Сэм о Беллс не знает и, если бы не просьба родителей, никогда бы не узнал: *«Зачем рассказывать ему про Беллс, если я чувствовала себя такой виноватой в том, что игнорировала ее письма, что я никчемная сестра, что я так сильно ненавидела ее в детстве, ведь она отобрала у меня внимание родителей? Что я делала всякие глупости, чтобы вернуть его? Разговор о Беллс вызывал много воспоминаний, которые мне хотелось стереть. Он питал разъедающее душу ощущение вины».* Кети стесняется своей особенной сестры. Сэм живет образцово-показательной жизнью в образцово-выставочном доме. Понятно, что первая неделя пребывания Беллс в доме Сэма просто кошмарна: Беллс крутит диски с песнями Стиви Уандера (ужас!), развесила на стенах (беленьких и чистеньких!) плакаты с Бэкхэмом (на кнопках!), готовит на кухне (где вообще никто не готовит) органическую вегетарианскую пищу (отлично, кстати, готовит)... И в белоснежном раю появляются скорлупки от яиц, очистки овощей, вообще грязная посуда!

Беллс нельзя показать друзьям: она здороваается со всеми подряд в магазинах и на улице, задает неудобные вопросы, знакомится со странными людьми, носит туфли пикси и грызет ногти! Сэм пытается примириться с появлением Беллс, но безуспешно. Он ждет ее отъезда, как, впрочем, сначала ждала и Кети. Но Беллс – живая. Она не то чтобы меняет взгляды Кети и ее отношение к себе – Кети отнюдь не злодейка, она жалеет и любит Беллс, хотя как-то... через силу – Беллс просто дает Кети редко кому выпадающий шанс посмотреть на свою жизнь другими глазами (*«Мы так привязаны к рутинному распорядку нашей жизни, что крутимся и крутимся в ограниченном пространстве, словно старые носки в стиральной машине»*).

Просыпаемся, бегаем в парке, едим завтрак, едем на работу, возвращаемся домой, идем в ресторан, ложимся спать. Нет, я не жалуясь, мне нравится моя жизнь, но иногда мне начинает казаться, что я робот»). И людей переоценить тоже (тот же Сэм – он неплохой, не злой и не жестокий, просто нет в нем, ну, пусть силы духа, душевной щедрости. Он слишком зависит от мнения окружающих, от общепринятых правил, стереотипов. Удобства и приличия очень важны для него. Он просто не хочет проблем). По-другому посмотреть на родителей : « Я все яснее понимаю, какие дружные у меня родители, какими они всегда были сильными. Они никогда бы не отказались от Беллс, да им это просто не пришло бы в голову». В конце концов, Кети поймет важное: люди несовершенны – и она тоже, но пока в людях живут доброта и сострадание, они преодолеют самые непростые обстоятельства.

Мало кто из праздно или недоброжелательно любопытствующих задумывается о том, что при этом переживает объект их внимания: «Если бы я нашел волшебную палочку и мог загадать одно желание, я бы попросил нормальное лицо, на которое никто не обращает никакого внимания. Я хотел бы ходить по улицам и чтобы люди, увидев меня, не отводили взгляд»- мечтает 11-тилетний Ави Пулман, герой повести «Чудо»

Паласио, Р. Дж. Чудо: [повесть; 12+] / Р. Дж. Паласио. - Москва : Розовый жираф, 2013 - 425 [4] с. – (Вот это книга!).

Август Пулман – особенный ребенок. «То есть, конечно, я делаю самые обыкновенные вещи. Ем мороженое. Катаюсь на велосипеде. Гоняю мяч. Играю на XBox. Как любой десятилетний ребенок. Я и чувствую себя самым что ни на есть обыкновенным. Внутри. Но при виде обыкновенных детей другие обыкновенные дети не разбегаются с воплями. На обыкновенных детей не глазают везде и всюду». Дело в том, что Август уродлив. У него нет лица. Это генетическая аномалия. С совершенно непроносимым названием. Один случай на 4 миллиона. Просто дефектные гены обоих родителей встретились при зачатии, и вот...Август выглядит так, как будто кто-то большой и злобный взял «огромные щипцы и сдавил ему лицо посередине и так и оставил». В результате 27 пластических операций у Августа появилось какое-то подобие лица, но... « перекошенные, будто сползшие вниз глаза,.. вдавленные внутрь щеки,.. черепаший рот». До десяти лет Август – Ави – находился на домашнем обучении: с ним занималась мама. Но она - художник – иллюстратор, и с математикой у нее не очень, и с естественными науками.... Поэтому с начала нового учебного года Ави идет в школу, в пятый класс. Сказать, что Ави не хочет – ничего не сказать: он боится. Новеньким в школе и так не просто, а уж ему... До начала учебного года директор мистер

Попкинс просит трех учеников – пятиклашек показать Ави школу, кабинеты, актовый зал, столовую. Эти трое становятся своего рода фокус-группой для определения отношения к Ави: Шарлотта его жалеет, Джек Тот вроде настроен дружелюбно, а Джулиан... «Если бы у меня была такая рожа, — сказал Джулиан со смешком, — клянусь, я бы и ночью натягивал на нее капюшон». Нет, при учителях он ведет себя пристойно, но именно он инспирировал тайную травлю Ави – игру «в чуму» (к Ави нельзя прикасаться – типа, заразишься), он придумывает ему прозвища: «Крысеныш. Урод. Монстр. Фредди Крюгер. Пугало. Рыло. Ящер. Мутант. Вот как меня называют», подбрасывает в шкафчик записки с требованием уйти из школы. Пятый класс разделился на тех, кто на стороне Джулиана, на тех, кто поддерживает Ави (их мало), и на тех, кто занимает нейтральную позицию. Ну, как нейтральную... До определенной степени. «...дети изо всех сил старались на меня «не тарачиться». Они бросали взгляды украдкой из-за тетрадок или когда думали, что я не смотрю. Они обходили меня как можно дальше, как будто боялись подцепить от меня какую-то жуткую бактерию, как будто мое лицо — заразное. В коридорах всегда было не протолкнуться, и при виде меня кто-нибудь обязательно столбенел — тот, кто, возможно, обо мне еще не слышал. Из бедняги вырывался такой сдавленный звук, который издаешь, когда задерживаешь дыхание, чтобы нырнуть. В первые несколько недель это случалось, наверное, раз по пять на дню: на лестницах, перед шкафчиками, в библиотеке. В школе шестьсот детей, и рано или поздно каждый должен был со мной встретиться. Я то и дело замечал, как кто-нибудь, проходя мимо, толкает локтем приятеля или что-то шепчет ему на ухо. Могу только догадываться, что они обо мне говорили. Но вообще-то я предпочитаю об этом не думать». Если бы повествование велось только от лица Ави, читатели, скорее всего, автоматически встали на его сторону, ведь в отличие от одноклассников Ави, мы видим не только уродливое лицо, но и доброе сердце мальчика, незаурядный ум, чувство юмора и удивительную стойкость оловянного солдатика. Но об Ави говорят и другие герои книги: его старшая сестра Вия (Оливия), Джек Тот, который предал Ави и пожалел об этом, бывшая лучшая подруга Оливии Миранда, знавшая Ави с детства, Джун, подружившаяся с Ави просто потому, что она добрая девочка. И вот тут уже есть о чем подумать. «Глядя, как другой человек проходит через весь этот ад, ты — если, конечно, ты в здравом уме — не сетуешь на то, что тебе не покупают игрушку, о которой ты мечтал, или что твоей мамы нет среди футбольных болельщиков. Я понимала это, даже когда мне было шесть лет. Никто никогда мне этого не объяснял. Я просто понимала, и все... Ему почти одиннадцать лет. Нужные слова он подобрать сумеет. Но мы вертимся вокруг него, будто он так и остался младенцем. Мы отменяем все свои планы, прерываем беседы, нарушаем обещания в зависимости от его настроения, его капризов, его нужд. С малышами всегда так. Но ему-то пора уже вырасти. Мы должны ему помочь — должны заставить его повзрослеть. Я думаю так: мы столько лет убеждали Августа, что он нормальный, — вот

он и в самом деле стал считать себя нормальным. Беда в том, что это неправда». Это Вия, здоровый ребенок в семье, где есть ребенок-инвалид. Ребенок, которому недостает родительского внимания, любви и заботы. Это Джек, ударивший Джулиана за гадкое слово об Ави. Но ведь было – открещивался: « Я много об этом думал, и если бы я так выглядел, то я бы себя прикончил...Даже представить себе не могу, как это — каждый день глядеть в зеркало и видеть такое. Жуть! И все на тебя пялятся». Есть еще леди из родительского комитета, отправившие администрации школы письмо с просьбой (упаси Боже – не с требованием, с просьбой!) убрать из школы уродливого мальчика, который своим обликом наносит душевную травму их здоровым детям. Но есть еще Миранда, пятнадцатилетняя девочка, сказавшая об Ави самые удивительные слова: «...вселенная не пощадила Ави Пулмана. неужели этот маленький мальчик заслужил такое наказание? или его родители заслужили? или Оливия? она как-то упомянула, что, по словам одного доктора, шанс получить комбинацию синдромов, изувечивших Ави, — один на четыре миллиона, значит, вселенная — огромная лотерея? ты покупаешь билет, когда рождаешься, а уж достанется тебе хороший билет или плохой — дело случая, как повезет. Все это крутится в моей голове, но потом приходят успокоительные мысли, как минорная терция в мажорном трезвучии, нет, нет, не все случайно, если бы все зависело от случая, вселенная бы нас не оберегала, а она оберегает, заботится о самых хрупких созданиях, пусть мы этого и не видим, например, она посылает тебе родителей, которые слепо тебя обожают, и старшую сестру, которая чувствует себя виноватой из-за того, что она всего лишь человек, и мальчишку с хрипловатым голосом, которого из-за тебя травят, но он все равно с тобой дружит, и даже девушку с розовыми волосами, которая не расстанется с твоей фотографией, может, это и лотерея, но в конечном счете вселенная все уравнивает, вселенная заботится обо всех своих птицах».

Дочитав книгу до конца, читатель понимает: прожитый Ави год – один из многих. Да, его одноклассники перестали видеть в Ави только уродца, оценили его душевные качества, его «тихую силу», как сказал мистер Попкинс – так, собственно, и должны заканчиваться книги для детей и подростков: победой добра над злом. Но впереди у Ави – долгая жизнь, и еще не раз ему придется доказывать, что он – пусть и особенный, но просто мальчик, просто юноша, просто мужчина. И взрослые это знают. К сожалению. И еще - о названии книги. Почему «чудо»? Потому что Ави вообще родился? Потому что он – медицинское чудо, с которым никак не могут разобраться врачи? Потому что он – чудо-юдо? Какое чудо имеет в виду автор?

В 1985 году американский режиссёр Питер Богданович снял великолепный фильм "Маска", сюжет которого перекликается с историей, рассказанной Р.Дж. Паласио.

Очень часто людям с физическими недостатками окружающие отказывают и в сохранном интеллекте: « Одно из первых воспоминаний детства – подслушанный разговор взрослых. – Ты говоришь, что он умный. Но он же ходить не может!». «Очень многие думают, раз мы с тобой культяпые, то и мозги у нас такие же неполноценные. И потому смотреть им на нас крайне неприятно: портим общий пейзаж. Но видал, как наши паралимпийцы утерли носы здоровеньким-красивеньким?! Вот мы с тобой и должны брать с них пример!» Именно это происходит с героиней романа Дрейпер Ш. « Привет, давай поговорим!». И врач, и учителя, и одноклассники считают ее умственно неполноценной.

Дрейпер, Ш. Привет, давай поговорим: [повесть; 12+] / Шэрон Дрейпер - Москва : Розовый жираф, 2012. – 281,[14] с. – (Вот это книга!)

Имя Мелоди в переводе с английского означает «песня», «мелодия». По иронии судьбы это имя носит девочка, которая не то что петь – не может говорить. Совсем. *«Любой может сказать все словами. Любой, но не я. Уверена, большинство людей даже не понимают, какая сила таится в словах. А я понимаю. Мыслям нужны слова. Словам нужен голос.»* У Мелоди – тяжелейшая форма ДЦП. Она передвигается в инвалидной коляске – ее непременно нужно пристегнуть ремнями безопасности: выпав из коляски, она не сможет сама подняться, перевернуться, поменяв неудобную позу, и, конечно, позвать на помощь: *«Руки почти не слушаются меня — я только нажимаю кнопки на пульте от телевизора и, вцепившись в рукоятки, управляю своей коляской. И то с трудом. У меня вечно все валится: ложка, карандаш. И сама я все время валюсь — прямо как Шалтай-Болтай».* Мелоди повезло с ближним окружением: любящие, самоотверженные папа и мама – которые, кстати, еще и работают (*« Нелегко тебе придется, Мелоди, — задумчиво говорил [папа]. — Если бы я мог поменяться с тобой местами — не колебался бы ни секунды. Веришь мне?»*), соседка миссис В., помощница Кэтрин, даже водитель автобуса «для учащихся с особыми потребностями» - все они видят в ней человека. А вот другие... «В магазине было полно людей. Некоторые останавливались и удивленно таращились на нас, другие смущенно отводили взгляд», «Дети редко замечают таких, как я», «Мало кто спрашивает, как меня зовут. Большинству и в голову не приходит, что у меня есть имя. Но оно есть. Меня зовут Мелоди». Физически ущербного человека люди не воспринимают как человека с сохранным интеллектом – и доказать обратное очень непросто. Даже врач уверен, что Мелоди – умственно отсталая, даже новая учительница в школе – на третьем году обучения!- изучает с «особенными детьми» буквы. А у Мелоди – фотографическая память: «В моей памяти находится место для каждого

прожитого мига. Хотя толку от этого мало, ведь я ни с кем не могу поделиться своими воспоминаниями, не могу ни о чем рассказать». «Как-то по телевизору показывали передачу про детей-гениев, которые с первого раза запоминают длинные ряды цифр, по памяти воспроизводят последовательность слов и картинок и читают наизусть целые поэмы. Я тоже так могу. Я помню десятизначные телефоны, адреса и вебсайты из всех рекламных роликов. Так что если мне вдруг понадобится обзавестись набором супер-острых ножей или чудо-тренажером — пожалуйста, могу связаться с продавцами хоть сейчас. Я помню по именам ведущих всех телешоу, знаю, когда и на каком канале они выходят в эфир и когда будет повтор передачи. Помню каждую реплику участников, могу дословно воспроизвести все рекламные паузы». «И никто не догадывается. Никто. С ума сойти можно». Больше всего на свете Мелоди хочет говорить. Просто оформить в слова мысли, приходящие в голову. И вот после целого ряда разнообразных медицинских и юридических процедур — даже страховку пришлось оформлять! — у Мелоди появляется компьютер «Медитолкер». Там есть словарь, там на разных уровнях сложности можно найти подходящие слова и даже фразы. И теперь электронным голосом «Медитолкера», который она назвала Эльвирой, Мелоди может общаться с окружающими. Например, со своими сверстниками — пятиклассниками, уроки которых она посещает в рамках инклюзивного образования. Более того, она подает заявку на участие в турнире эрудитов, ответив на все сто вопросов отборочного теста. Единственная. В команду ее включают, и даже в газете появляется ее фотография. И вот тут-то начинаются проблемы: команда-победительница едет в Вашингтон — а товарищи по команде не...хотят, чтобы Мелоди ехала с ними: они ее стесняются, а кое-кто и просто терпеть не может. Да ну! Уродина, слюна иногда капает, неконтролируемые судорожные подергивания конечностей, когда волнуется... А вдруг их покажут по телевидению? Позориться на всю Америку! И Мелоди просто не сообщают о переносе рейса из-за погодных условий. В Вашингтоне команда проигрывает с треском — аж девятое место! Мелоди оскорблена, обижена поступком тех, кого она считала товарищами: «Сначала я не собиралась идти в школу. Все равно считается, что я в Вашингтоне. ...Но потом я передумала. Вот просто перестала себя жалеть, разозлилась и решила: чего ради я должна отсиживаться дома как побитая собака? Пойду в школу, и пусть все видят, что им меня не сломать». Класс и команда извиняются, пытаются оправдаться... Да ну их!, спрашивая одноклассников «Почему?», ответа она не ждет — она его знает. Собственно, и читателю все ясно: ну, неудобно здоровым людям рядом с «особенными людьми». Вот об этом и книга: о том, что уровень цивилизованности и культуры общества определяется отношением к слабейшим: детям, женщинам и инвалидам. О том, что «особенные» — не значит лишние.

К сожалению, это пока декларация, уведомление о намерениях – и только. На самом деле социум активно или пассивно сопротивляется инклюзии – так вороны изгоняют из стаи ворону – альбиноса (если вообще не заклеывают). Или – собачники знают – на собачьей площадке собаки проявляют агрессию по отношению к собрату, демонстрирующему признаки нездоровья. А уж если речь идет о действительно умственной отсталости... Вернемся к повести **Е. Мурашовой «Класс коррекции»**, здесь уже в начале даны исходные данные для давным - давно решенной задачи («*всех откровенных дебилов нашего района сливают в 371-ю школу. Там — классы по 10 человек и особые программы. Выхода оттуда нет никакого — только на улицу или в интернат для хроников. Впрочем, у нашего класса коррекции перспективы тоже далеко не блестящие*»), под этот «естественный» отбор подведена чуть ли не теоретическая база: «*Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами. Какое, по вашему, место уготовано в этом мире Ване Горохову, Паше Зорину, Игорю Овсянникову, Виталию Тараканову?.. Я уж не говорю про особые случаи — Миша Штекман, Юра Мальков, Стеша Пархоменко... Не перебивайте меня! Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближенных к боевым (да вы и сами это знаете), мы научили их читать, писать и считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу!*» «*Школа — всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения «на классы» всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые...*» «*Наш Гарлем*» - «ласково» называет директриса класс коррекции 7 Е и «дэшек» – класс, где содержатся (ну, не писать же «обучаются») детки с криминальным уклоном.

Воспитание ребенка – инвалида – нелегкое бремя, и не все родители готовы нести столь тяжелую ношу. Шоумэн Сергей Белоголовцев, один из детей которого инвалид детства с диагнозом ДЦП, в интервью как-то сказал: «Нельзя никого осуждать за желание отказаться от такого ребенка. Это адский труд — особенно в нашей стране. Ты просто ставишь точку на своей жизни. Она больше не будет легкой и веселой».

Ромка, герой повести В. Крапивина «Самолет по имени Сережка» изо всех сил сопротивляется маминому желанию отдать его в такой интернат.

Крапивин, В. П. Самолет по имени Сережка : [повесть; 14+] / В. Крапивин. - Москва : АСТ : Люкс, 2005. - 236 с. : ил. - (Любимое чтение).

« Но все равно мама снова и снова, при каждом удобном (и неудобном) случае, начинала беседы об интернате. В глубине души я давно уже догадывался, почему она это делает. Мама у меня молодая и красивая. И вдруг ей такое наказание – сын-калека! Я

слышал однажды мамин разговор с подругой тетей Элей. С балкона слышал. Они думали, что дверь на балкон закрыта, а там просто была задернута штора.– Брось, Элечка, – говорила мама. – Кто меня возьмет с таким приданым...». Мамины аргументы безукоризненны: Роме нужно жить в коллективе, приспособливаться к своей физической неполноценности. Мама заглядывает в будущее: что будет с сыном, когда ее не станет? Сейчас Ромка живет в коляске и на балконе, откуда наблюдает за жизнью, в том числе и своих сверстников. У него есть конструктор и проигрыватель с пластинками, любимые книги и фломастеры. Он делает бумажных голубей, разрисовывает их и запускает с балкона, а мальчишки во дворе их ловят. В инвалидной коляске он с пяти лет. Привык. Умеет и готовить, и без труда убирает квартиру. Самостоятельный маленький мужчина. Читатели знакомятся с Ромкой в тот момент, когда он разрешает ситуацию с домушником, пытающимся вскрыть их с мамой квартиру. И только мама не верит в то, что Ромка – мужчина. Для нее он маленький искалеченный мальчик, о котором надо заботиться. И где это сделают лучше, чем в специализированном интернате? А мама сможет как-нибудь устроить и свою жизнь... Ромка в интернат категорически не хочет – он мечтает о друге. И друг, которого не пугает коляска, Ромкина инвалидность - появляется. Его зовут Сережа. И он умеет превращаться в самолет. Самоотверженность – и не через силу, как подвиг или подвижничество, преданность и сильное желание помочь другу встать на ноги отличают Сережу. С его появлением в жизнь Ромки приходят чудеса и даже главное чудо- возможность снова ходить.

Героиня же небольшой повести А. Лиханова «Солнечное затмение» Лена считает своим домом именно интернат.

Лиханов, А. А. Солнечное затмение: [повести ; 16+] / Альберт Лиханов. - Москва : Эксмо, 2011. - 576 с. : ил.

«Сколько помнила она себя, родным для нее был сад возле школы-интерната, общая комната на десять таких, как она, девчонок, нянечка Дуся, а до школы еще один интернат – в лесу, за городом. Так что родным для нее был шум и гам или тишина, но особая тишина, непохожая на эту, когда она совсем одна, будто в заточении... В той тишине девчонки плакали все вместе от грустной какой-нибудь истории, они любили грустное, это было про них... Впрочем, такое случалось поздним вечером, перед сном, а утром грусти не оставалось места, и они, кто как, каждая по-своему, одевались, переползали в коляски, прихрамывали, кособочились, натягивали, помогая друг дружке, платья, смеялись, кричали и плакали тоже, только днем плакали громко и как-то непонятно весело – днем плакать грустно запрещалось. Ими же самими... Странно, восьмиклассницам не надо объяснять, что такое их беда,

их уродство, но девчонки про себя никогда, кажется, и не думали. Болезни их общие, полиомиелиты и параличи, даже как будто сближали всех в нечто единое». Лена и девочки живут в добром доме, где их инвалидность – просто факт. А вот что будет за порогом дома, когда им придется оттуда уйти – во взрослую жизнь? Лена попробовала. Летом. На немножко. И ощутила границу между своим миром и миром Федьки – голубятника. И опять-таки: все у Лены нормально -- для ее заболевания, пока живы ее родители.

Очень часто инвалиды воспитываются в неполных семьях, как правило, матерями - у 15 % родителей практически после рождения ребенка-инвалида – развод. Когда позднее (или из-за заболевания в более позднем возрасте, или вследствие перенесенной ребенком травмы) в семьях, где есть такой ребенок, всегда начинаются проблемы, и либо родители объединяются ради общей цели, либо вся ноша сваливается на одного из них, чаще всего на, как уже было сказано, матерей... Около 50%, по некоторым данным — 70-80% отцов оставляют семьи, где есть ребенок-инвалид. А что такое тянуть такого ребенка в одиночку — сложно представить тому, кто не сталкивался с подобными проблемами. Так, отец героини в повести С. Андреева «Желтые конверты» оставил семью и ограничился алиментами, причем формальные обстоятельства оплачивать нужным и возможным не считал, а после смерти матери отказался взять дочь в свою новую семью.

Мать Тани, героини повести И. Манаховой «Монолог», несмотря на свою взбалмошность, отдает себе отчет в величине свалившейся на нее проблемы.

Манахова, И. В. Монолог: [повесть;12+] / Инна Манахова ; [ил. М. Садердиновой]. - Москва : Детская литература, 2019. - 152, [7] с.

«Отдельную палату оплатила, – продолжала тараторить мама. – Три с половиной тыщи в сутки, представляешь? Как в санатории или в гостинице! Но там-то удобства, а в этой больнице только деньги дерут, а простыни у них рваные, одеяла вонючие, на окнах штор нет! Хорошо хоть холодильник работает, я проверяла! Завтра загружу его по полной... А услуги сиделки здесь вообще стоят целое состояние! – продолжала мама. – Но я всё равно оплатила... Танюшка, доктор сказал, нельзя тебе оставаться вегетарианкой: на такой диете ни кости, ни хрящи нормально не срстаются. У тебя еще и анемию нашли в придачу. Говорит, нужно кушать красное мясо, печенку, икру. Правда, не сказал, где твоей маме денег заработать, чтобы всё это покупать каждый день! Но ты не волнуйся! Если понадобится, я для тебя горы сверну! На вторую работу устроюсь, кредит оформлю, да мало ли!».

Повесть И. Манаховой «Монолог» написана от лица 16-тилетней Тани, которую сбила машина, черная «Ауди». («Я помню только лицо девушки, сидевшей за рулем. Ее полные ужаса глаза и напوماженный рот, перекошенный от крика. Это моя смерть. Она меня убила, сломала, превратила в кашу мои ноги»). Девушка, сидевшая за рулем, скрылась с места ДТП («Кстати, эту дрянь, которая тебя сбила, еще не нашли! – вновь возбужденно заговорила мама, немного переведя дух. – Как ее земля носит, такую сволочь? Размазала человека по асфальту и укатила! Мне сказали, что она даже не притормозила, Танюша! Даже не притормозила!»). Ноги и позвоночник Тани врачи собирали «по кусочкам» (так в тексте). Чудовищная боль, которую терпит Таня, унижительная беспомощность, когда даже не понимаешь, что пора поменять памперс, шумная забота мамы, просто не знающей, что делать, безвольный и слабый отец, ни в коем случае не опора – все это отступает перед ожиданием Саши, такого любимого, такого дорогого: «Саша, мне казалось, моя смерть неизбежна, но я не могу умереть, не увидев тебя еще хоть раз. Ты ведь скоро придешь ко мне, правда? Мама расскажет тебе всё, что произошло, и ты примчишься в больницу с букетом моих любимых розовых пионов. Ну и пусть на дворе ноябрь, ты найдешь эти цветы, потому что ты всегда находил всё, что мне нравится! Мне сейчас очень больно, но с тобой рядом мне станет легче, я знаю! Скорей бы только ты пришел!». Но Саши все нет, ни с пионами, ни без. Саша сказал Таниной подруге, что в больницу к Тане не придет: хочет запомнить ее красивой и веселой, моделью небольшого городского агенства, а не обреченной на неподвижность калекой. Легкий в общении, веселый и компанейский, Саша не готов делить с Таней боль, как делил радость. Собственно, даже у Тани нет к нему серьезных претензий: она вовсе не собирается требовать от своего бойфренда любви и верности, прекрасно понимая, что ноша – не по парню: «Если задуматься, я всегда ощущала в его присутствии необыкновенную легкость и свободу. Когда я смотрела в его светлые и чистые голубые глаза, жизнь казалась мне до смеха простой, все проблемы – решаемыми, а любовь – бесконечной. Сашино вечное легкомыслие не раздражало меня, а вдохновляло на безумные поступки. Рядом с ним я глупела и, махнув рукой на затаенные страхи, с головой бросалась в любые авантюры. Возможно, в этом было что-то неправильное и даже опасное, но мне ужасно не хотелось всерьез разбираться в своих чувствах. Мне хотелось просто жить и радоваться жизни...» На сочувствие и сострадание Саши в Танином случае не стоит рассчитывать. Но ведь сказать себе: «С сегодняшнего дня я не люблю этого человека» - это, знаете ли, для стойков. Героев. Поэтому больно. И долго будет больно. И за всеми остальными людьми серой тенью будет стоять Саша. Танина подруга, увидев Таню в больнице впервые, рыдает от жалости и беспомощности, одноклассники, с которыми Таня особенно близка не была, организуют флэш-моб под окнами больницы, когда их не пустили к Тане, на новогодней вечеринке появляется Иван, который говорит, что Таня – красавица, и которому вроде бы все равно, что

она не ходит и передвигается в инвалидной коляске... Словом, «надежда – мой компас земной».

Насколько реален этот компас, трудно сказать, но если сравнивать Сашу с героем повести «Желтые конверты» Алексеем, который демонстрирует совершенно иную модель поведения, причем будучи просто приятелем – не бойфрендом, то, может быть, и компас...

Андреева, С. И. Желтые конверты : [повесть; 12+] / Светлана Андреева ; [ил. В. Ватолиной]. - Москва : Детская литература, 2018. - 348 с. : ил. - (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).

Алексей Воробьев – поезд. Не «как поезд», а именно поезд. Скорый поезд, идущий из пункта А в пункт В. Строго по блестящим рельсам, проскакивая полустанки, да и на больших станциях задерживаясь ненадолго. Расписание! Пункт А – маленький городишко где-то на юге России, который можно обойти пешком – за три часа поперек и за полтора – вдоль. Пункт В – МГИМО, если не лучший, то один из в стране. Алексей четко знает, что для этого нужно сделать: сдать ЕГЭ с максимальным количеством баллов, получить золотую медаль, поступить на факультет дипломатических отношений. А после жизнь сама сложится как надо. А надо поехать работать за границу – ненадолго, *«обеспечив себе стабильную материальную базу в виде дома, машины и счета в банке»*, ближе к тридцати годам вернуться на родину, жениться, завести двоих – троих детей, замутив международный бизнес, используя приобретенные во время работы связи. *«Все это казалось ему таким же очевидным, как то, что солнце встает на востоке, а садится на западе. Он не допускал ни малейших проколов в этой четко спланированной системе и со своей стороны задействовал все имеющиеся ресурсы»*.

Одним из таких ресурсов стала англичанка – репетитор английского языка Мария Максимовна, которая долго жила за границей и язык знала прекрасно. Вернувшись в Россию, она приехала в маленький провинциальный городок, купила дом, одиноко стоящий почти в лесу, и стала преподавать в школе черчение - ставки учителей английского были заняты. Вот в доме Марии Максимовны и нашел Алексей первый желтый конверт: он лежал под комодом. И никто его не обронил, не потерял – на нем было написано «Алексею». Ему, значит. Незнакомая девочка с инициалами М.О. написала в письме немножко о себе – странные такие и непонятные фразы, но в основном писала о нем, об Алексее. Хвалила за целеустремленность, упорство, давала советы по изучению английского –

ненавязчиво, так, вскользь. Алексей заинтересовался корреспондентом и даже провел расследование на предмет авторства. Ну, и возможного розыгрыша – шутников в школе хватало. Так и не понял, кто пишет, зачем, как попадают в дом Марии Максимовны желтые конверты. Три конверта. Три письма. Интрига сохранялась ... долго. А вот потом, когда обнаружился автор, когда Алексей и М.О. подружились, жизнь Алексея - скорого поезда изменилась. Когда же с М.О. случилось чудовищное несчастье, вся выстроенная жизненная стратегия Алексея показалась такой... неважной... «Все последние годы он только и делал, что шел к своей цели. не оглядываясь и не распыляясь по пустякам. Кто-то завидовал ему, кто-то считал сверхчеловеком. Сам же он не пытался анализировать свои поступки и действия. Просто знал, что по-другому ему не получить желаемого. Но отчего-то теперь эта заветная цель, мечта, которая как маяк горела на границе его темного горизонта, не была, как прежде, яркой и понятной. В ней не осталось ни магии, ни чарующей сладости ожидаемой нелегкой победы. Все как будто посерело в один миг и сделалось до тошноты будничным». И чтобы окончательно избавиться от миража МГИМО, Алексей, умница и звезда школы, надежда учителей и гордость родителей... завалил ЕГЭ. Он выбрал жизнь, где не было «я», «мне», «мое», а были другие... местоимения. А чтобы не было соблазна – слаб человек - вот так обрезал все стропы запасного парашюта. *«Человеку нужен другой человек. Просто так. Ни за чем и ни для чего. Человек. Робинзону нужен Пятница, Пятнице нужен Робинзон. Адам не смог без Евы, Ева смогла бы, наверное, и без Адама, но ей, скорее всего, стало бы скучно».* (Гальего Р.Д.Г.)

У Ники, героини повести Т. Крюковой «Костя + Ника», обеспеченные родители (отец – известный художник). Им не нужно искать вторую работу, брать кредит. Что-что, а деньги есть.

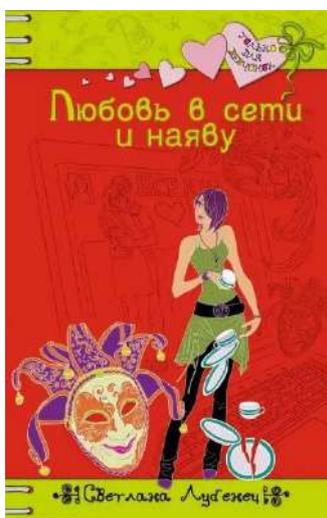
Крюкова, Т. Ш. Костя + Ника: [повесть; 16+] : / Тамара Крюкова ; ред. З. Гордеева. - Москва : Аквилегия- Москва. – 2011. - 320 с.

И... Состоятельный папа просто откупился от дочерикалки деньгами: живет она более чем в комфортных условиях, ее учили музыке и рисованию, наверное, и школьные учителя приходят на дом (Крюкова об этом не пишет, может, потому, что дело происходит летом), у нее есть сиделка. А что сиделка ненавидит девочку и завидует (!) ей, считает зажавшейся богачкой, которой все достается ни за что : *«Меня не любят? А тебя? Кому ты нужна такая? Если б не я, кто бы тебя кормил и за тобой грязь выносил? .. Меня никто не любит! Кто бы говорил!»* - отцу неважно. *« Ей было не привыкать к холодной вежливости, царившей в семье,*

но сейчас она чувствовала безразличие отца острее, потому что ей было неудобно перед Костей. Ей не хотелось, чтобы он знал, что она никому не нужна». «Гости, приходившие в их дом, раздражали ее своим фальшивым участием, жалостью, неестественно сюсюкающими голосами и явным облегчением, когда приличия были соблюдены и они могли отойти от нее и заняться своими разговорами. С людьми она слишком остро чувствовала свою неполноценность, поэтому предпочитала уединение». Одинокая, заброшенная девочка закономерно приходит к мысли о самоубийстве: «Что держит ее в этом мире? Кому она нужна? Без нее всем было бы лучше. Внезапно сквозь сумятицу мыслей прорвалась одна краткая и ясная: нужно уйти! Это самое правильное, потому что за пантомимой, изображающей скорбь, последует всеобщее облегчение. И все будут свободны от притворной любви и жалости, от тошнотворно приторного участия, от лжи. От лжи.

Часто, что инвалиды, что члены их семей оказываются в недобровольной изоляции, особенно при отсутствии характера, прочных связей с окружающим миром. Если были друзья – их становится все меньше, либо они вообще исчезают («Друзья - до черного дня. Они к тебе ходят, пока не наскучило». Так случилось с Маришкой, эпизодическим персонажем повести Лубенец С. «Любовь в сети и наяву».

Лубенец, С. А. Любовь в сети и наяву: [роман; 14+]. / С. Лубенец. - Москва : Эксмо, 2011. – 154, [6] с. - (Только для девочек).

Хорошая девчушка, умненькая, веселая. Она серьезно занималась спортивной гимнастикой, часто ездила на сборы, но успевала и нормально учиться. Мечтала в будущем попасть в сборную России. «В прошлом году Марина упала с брусьев и получила очень серьезную травму позвоночника. До сих пор ее тело заковано в специальный корсет. Девочка недавно только смогла садиться в постели, но ноги по-прежнему не работают вообще. Периодически у Маришки случаются обострения, и в такой момент нужны дорогие лекарства. Денег у родителей уже ушло немереное количество. А Дима – он единственный из класса девочку не бросил, навещает ее, книги приносит, диски... Потом она что-то такое мастерит... лепит, что ли... я забыл... А Дима ей материалы покупает». «Я очень рада, что ты ко мне пришла, а то, кроме Димки, почти никто и не приходит.

– Ну... подруги-то, наверно, забегают? – спросила Нина.

– Последнее время что-то редко... Но я их не виню. Я же понимаю, что представляю собой невеселое зрелище. Девчонкам почему-то кажется, что со мной надо разговаривать тихо, как с умирающей, не сместь улыбаться, смеяться... Им это тяжело дается, а мне так и вовсе неприятно. Я ж еще живая! И умирать не собираюсь! Но не мне же посетителей развлекать, если я все время дома сижу»

Книги, предложенные в обзоре для чтения подросткам среднего и старшего возраста не относятся к разряду легкого чтения. Многие вызовут закономерные вопросы: а почему так? А почему в Америке («Привет, давай поговорим!») или Германии («Желтые конверты») по-другому, а в России – так плохо? А где социальные службы? (Ну, вот хоть «Класс коррекции» Мурашовой: мамаша Митьки уходит из дома, и шестеро детей, в том числе семимесячный младенец, остаются одни – и никому нет дела, на что они живут, что едят. А потом Витька дарит семимесячную Милку родителям Юры Малькова, похоронившим сына – как котенка?) А деньги? Почему всем миром собираем деньги не то что на операцию – на лекарства? Или почему у мальчика нет другой возможности помочь подруге - инвалиду, кроме как совершить кражу – в повести Лубенец?

Искать ответы нужно, наверное, всем миром, как говорили в старину. И начинать с малого: с себя. Протянуть руку помощи, не корчить рожи, глядя на чужой «особенный» облик, поддержать в беде. Понятно, что выносить чужие страдания непросто, но стоит, наверное, задуматься о словах Ромки из «Маленького человека в большом доме»: « Этот колясочник тоже, может, когда-то на обеих ногах бегал, как лось, но не повезло: сшибла машина или болезнь. Или еще что-то. И никто из вас... не застрахован от беды. Никто. И потому не надо глаза в сторону отводить».

Список авторов и названий, включенных в обзор.

Андреянова С. И. Желтые конверты

Буджолд Л. М. Ученик война ; Игра форов

Дрейпе Ш. Привет, давай поговорим

Крапивин В. П. Самолет по имени Сережка

Крюкова Т. Ш. Костя + Ника

Лиханов А. А. Солнечное затмение

Лубенец С. А. Любовь в сети и наяву

Манахова И. В. Монолог

Мурашова Е. В. Класс коррекции

Паласио Р. Дж. Чудо

Петерсон Э. Письма моей сестры

Семенова, М. В. Там, где лес не растет

Штанько В. Н. Трудно быть другом